

Title	Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении)
Author(s)	Абрамян, Левон
Citation	Acta Slavica Iaponica, 20, 25-49
Issue Date	2003
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39418
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI20_002.pdf

БОРЬБА С ПАМЯТНИКАМИ И ПАМЯТЬЮ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

ЛЕВОН АБРАМЯН

ВВЕДЕНИЕ

Памятник это сгусток визуализированной памяти в нашем мире забвения. Недаром он содержит *память* в своей структуре. Бесконечный поток памяти о прошедших событиях создал бы перенасыщенный информационный хаос, но, к счастью, мы наделены способностью легко забывать свое прошлое и поэтому строим памятники, чтобы зафиксировать по крайней мере некоторые ключевые события и важных героев. Поскольку памятник непосредственно связан с памятью, манипулирование последней, характерное для революций, катаклизмов и порубежных ситуаций, с неизбежностью проявляется также в манипулировании памятниками.

В СССР бурный процесс переоценки традиционных советских ключевых событий, героев и «богов» начался с перестроечных лет; к концу перестройки и особенно в начале посткоммунистической эры этот процесс был естественно перенесен на соответствующие памятники – им фактически была объявлена настоящая война. Целью данной работы является анализ этой «войны» во всех ее формах – нередко скрытых или символических. Можно сказать, что статья поднимает проблемы этнографии памятника, в частности этнографии демонтажа памятников, как бы необычно ни звучало такое определение. Наиболее близким по содержанию исследованием можно считать работу Владимира Паперного, в которой автор изучает семиотику тоталитарной советской культуры, или «культуры 2», как он ее называет.¹ Созидание в культуре 2, как показывает автор, «часто имело конечной целью разрушение. Но и наоборот, в разрушении культура 2 часто видела созидательный акт».² Тоталитарной культуре 2 предшествовала революционная культура 1, причем «[р]азница между двумя культурами состоит лишь в том, что культура 1 видела разницу между созиданием и уничтожением. Она стремилась сначала все уничтожить, а потом начать создавать заново. Культура 2 всего лишь соединила эти два движения в одно».³ Понятно, что эти две культуры имеют дело

1 Паперный В. Культура Два. М.: «Новое литературное обозрение», 1996 (первое издание – Культура «два». Ann Arbor: Ardis, 1985).

2 Паперный. Культура Два. С. 311.

3 Там же. С. 315.

Карикатура автора, отражающая бурные процессы переоценки ценностей в период распада СССР.

также с памятниками – их разрушением-созиданием. Как мы увидим в статье, постсоветское отношение к памятникам во многом близко революционной культуре 1. Значит ли это, что мы в преддверии новой тоталитарной культуры 2? (В. Паперный усматривал цикличность двух культур.) Или подходит эра новой многослойной постсоветской

культуры, которую обрисуют будущие исследователи? В настоящей статье наносятся предварительные этнологические штрихи к описанию этой многослойной культуры, во всяком случае, ее обозримой начальной части, прежде всего, субкультуры памятников.

Этнографию памятника мы прежде всего попытались представить на примере Армении – одной из частей постсоветского пространства, где, наряду с общесоюзными особенностями отношения к памятникам, имеется также свое специфическое к ним отношение. Однако армянскую этнографию памятника мы по мере возможности пытались рассматривать в более широком географическом и историческом контексте. Основными источниками исследования являются в первую очередь полевые этнографические материалы автора и информация, почерпнутая из периодической печати. Исследуемую область мы скорее пытались очертить, а соответствующие проблемы – поставить, чем дать исчерпывающее разрешение, тем более что, как мы увидим, во многих случаях вряд ли правомерно говорить об однозначном решении поставленных задач.

НИЗВЕРЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Переоценка ключевых событий и героев часто выливается в переименование бывших значимых реалий. Иными словами, старые реалии стираются из памяти на уровне слова – о них больше не слышат. Тогда как борьба со старыми памятниками реализует уничтожение на уровне дела – их больше не видят. Как гласит русская пословица, «с глаз долой – из сердца вон». Недавняя борьба с памятниками в позднесоветском и постсоветском пространстве напоминает сходную борьбу, которая происходила во время французской революции в конце XVIII века и во время

русской революции в начале XX века. К концу XX века советские памятники, подобно их предшественникам, часто крушились чрезвычайно агрессивно, в варварской эйфории. Например, памятник Дзержинского, «праотца» КГБ, – один из первых в длинном списке демонтированных памятников – был свержен в ночь на 22 августа 1991 года, что стало кульминацией праздника победы народа над неудавшимся августовским путчем в Москве. На следующий день люди удовлетворили свою жажду мщения и выплеснули накопившуюся разрушительную энергию, срывая чугунный герб КГБ, покрывая гранитный пьедестал памятника оскорбительными надписями и круша его; он, однако, был достаточно твердым, чтобы устоять перед народной яростью, так что участникам этой варварской акции пришлось довольствоваться лишь кусочками отбитого гранита в качестве памятных сувениров. Имеется мнение, что благодаря этим агрессивным действиям народу удалось удержаться от соблазна направить их против коммунистов.⁴ Изуродованный пьедестал напротив здания КГБ долго хранил следы успешной борьбы против сил Зла,⁵ победа над которыми была отмечена символом победителя – российским трехцветным флагом.

На периферии СССР, в национальных республиках, эйфория борьбы с памятниками не ограничивалась только символами тоталитарного режима. Националисты направляли свою разрушительную ярость на все, связанное с Россией, не делая в этих антиколониальных выплесках особых различий между коммунистическими лидерами и русскими деятелями культуры.⁶ В Ереване, например, некоторые второстепенные памятники известных русских деятелей, установленные перед школами их имени, были удалены задолго до того, как главный памятник Ленина был снят в 1991 году с центральной площади, носившей его имя. Судьбу бюста жены Ленина Крупской разделили также бюсты Пушкина и Чехова. Пушкин, правда, вернулся через девять дней на свой пьедестал,⁷ новый же бюст Чехова

4 Панарин С. Дело свободы – праздник народа // Независимая газета. 1991, 11 сентября.

5 О других аспектах змеборческой борьбы с памятниками и организаторами путча см: *Бородатова А.А., Абрамян Л.А.* Август 1991: праздник, не успевший развернуться // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 3. С. 54-55.

6 Кое-где в России тоже пострадали малые памятники деятелей русской культуры. Например, в Саратове в одном из общественных парков были скинуты со своих пьедесталов памятники Гоголю, Островскому, Пушкину, Чехову и Глинке (Республика Армения. 1992, 9 января). Однако подобные акты вандализма были скорее проявлением анархии и хулиганства, чем антикоммунизма или национализма.

7 Бюст Пушкина был удален националистически настроенными, хотя еще советскими городскими властями в начале сентября 1990 г. на основании постановления о демонтаже пьедесталов, «пришедших в состояние ветхости» – хитроумной уловки, придуманной, чтобы избавиться от советских и русских памятников, – и был возвращен усилиями учителя русского языка и литературы школы имени Пушкина.

сменил исчезнувший старый в 1998 г.⁸ В любом случае борьба с памятниками в Ереване имела лишь эпизодическую антирусскую направленность⁹ и не вовлекала разъяренной толпы. Наоборот, эти монументы обычно исчезали тайно, без каких-либо зрителей.

Наверно, наиболее странной в списке демонтированных памятников в Ереване была статуя Рабочего в индустриальном районе города. До сих пор остается загадкой, почему Рабочий разделил судьбу ключевых коммунистических деятелей. Согласно мнению некоторых жителей по соседству, памятник был удален, поскольку какие-то местные бизнесмены хотели создать комплекс из кафе, автостоянки и прочих доходных мелких служб на месте, занимаемом некогда исчезнувшим Рабочим. Таким образом Рабочий – символ пролетарской эры социализма уступил свое место новым символам наступающей эры капитализма. В конце 1990-х годов один мой информант иронически заметил, что памятник удалили пророчески: в настоящее время, когда в Армении уже не осталось рабочих мест, больше нет нужды в памятнике, посвященном рабочему. Другой информант был рад, что «этот уродливый памятник наконец убрали» – т.е. борьба с памятниками мотивировалась им не политическими, а эстетическими соображениями.

Эстетическая аргументация играла существенную роль также, когда удалялись памятник Ленина и особенно его пьедестал. Памятник был создан известным скульптором Сергеем Меркуровым, который в свое время учился у самого Родена. Именно ему доверили снять посмертную маску с лица Ленина, а позже – возвести много высокопрофессиональных памятников вождя. Одним из лучших по праву считался ереванский памятник. Мэр Еревана того времени Амбарцум Галстян сказал в короткой речи перед официальной церемонией демонтажа, что он колебался, прежде

8 На самом деле памятник Чехову был сбит случайно в результате неумелых маневров грузовика, отдельные же националисты воспользовались этим обстоятельством, чтобы добавить бюст Чехова к списку свергнутых памятников. Некоторые активисты Карабахского движения пытались вернуть его, но, как мне сообщили, так и не смогли найти пропавшую голову великого писателя, так что на месте памятника был установлен обелиск, сообщавший, что на этом месте будет установлен памятник Чехову.

9 Эти короткие антирусские настроения можно сравнить с кратким, длившимся не более трех дней взрывом антирусских настроений после того, как офицером Советской армии был застрелен студент во время жестокой расправы над мирными пикетчиками в ереванском аэропорту 4-го июля 1988 г. Характерно, что хотя офицер, застреливший студента, был грузином по национальности, а Театральную площадь, традиционное место ереванских митингов, часто оцепляли солдаты монголоидной наружности, в Ереване не было отмечено ни антигрузинских, ни антисреднеазиатских настроений. Это лишний раз показало, что понятие «советский» (в данном случае «советская армия») воспринималось со стороны нерусского населения национальных республик, по крайней мере в Армении, как «русский».

чем принять окончательное решение о снятии памятника, поскольку не был уверен, представляет ли памятник истинную художественную ценность или нет. «Теперь я убедился, что не представляет», – сказал мэр, по-видимому, в знак оправдания предстоящего мероприятия, которое сильно напоминало акт вандализма как по характеру действия, так и по отношению к произведению признанного мастера.

Естественно, что главными врагами «памятничко-борцев» стали великие «предки» советского режима. Памятники Сталина, главного тирана, были уже удалены после его смерти. В Ереване такой памятник, один из самых гигантских в обширной семье памятников Сталина, предмет гордости армян в период сталинизма, был демонтирован за одну ночь в начале 1960-х годов – смерть медного двойника тирана, как и жизнь прототипа, была окружена тайной. Демонтаж, который проводила армия, стоил жизни одному солдату – возможно, последней жертве кровавого режима. Тем не менее даже после «смерти» памятник Сталина продолжал оставаться опасным. Так, бывалые капитаны, направлявшие суда вдоль по реке Енисею, по слухам, меняли курс, чтобы не проходить над тем местом, где в 1961 году была утоплена белая мраморная статуя Сталина. Статуя некогда стояла в специальном пантеоне, посвященном годам ссылки, которые Сталин провел в этих краях до Революции.¹⁰

Поскольку памятников Сталина больше не осталось, главной мишенью революционной ярости борцов с памятниками стали статуи Ленина. Иногда эта ярость принимала причудливые формы, как, например, в Тбили-

Открытие монумента Сталина в Ереване, 1950. (Фотография взята из книги «Мой Ереван. Մոյ Երեւան. My Yerevan. Автор и составитель – Г. Закоян. Ереван: АКНАЛИС, 2002. – С любезного разрешения автора и издательства.)

¹⁰ См. об этом статью *Савельева Н.* в Комсомольской правде. 1988, 17 мая.

си в августе 1990 г. Люди облили статую Ленина, что стояла на площади его имени, краской, закидали ее бутылками с бензином и, наконец, обложили шинами и подожгли.¹¹ Таким образом огнеупорный памятник из бронзы был сожжен как бы на средневековом костре.

ПЕРЕОЦЕНКА ПАМЯТНИКА

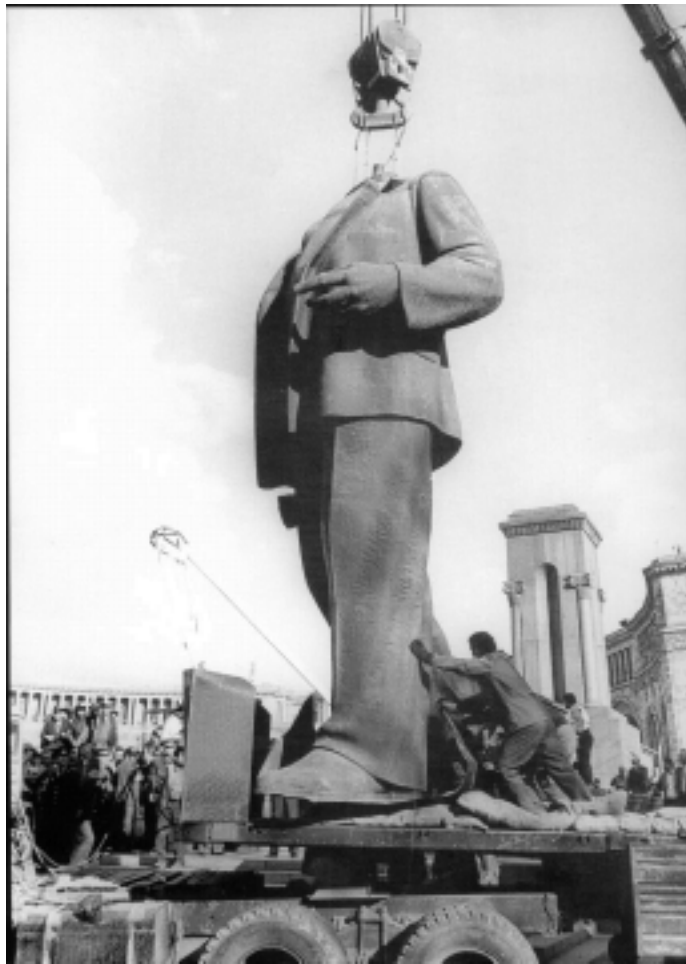
Тем не менее борьба с памятниками не везде была столь яростной. Иногда памятник Ленина не разрушали, а просто меняли его место в иерархии ценностей, как это имело место, например, в Москве. Наверно, наилучшей иллюстрацией в этом плане может служить перестановка «священного центра» в Элисте, столице Калмыкии. Здесь в посткоммунистическое время была поставлена статуя Будды – калмыки, как известно, являются наиболее западными на географической карте буддистами. В советское время идеологическим центром города служил памятник Ленина недалеко от этого нового памятника. Ленин стоял лицом к зданию обкома партии, что было естественной ориентацией памятника, представлявшего коммунистического «Бога», к «кафедральному собору» его «священнослужителей». В настоящее время, когда символы старой веры потеряли свое значение и силу, Ленин тем не менее не был здесь демонтирован или осквернен, как в других городах бывшего Советского Союза, хотя причина подобной терпимости вовсе не верность калмыков коммунистическим идеям, а их уважение к родовому предку – у Ленина была калмыцкая кровь со стороны бабушки.¹² Однако в теперешней организации пространства священного центра Будда оказался расположенным позади Ленина, поэтому, чтобы выдержать религиозный этикет, Ленин был развернут соответствующим образом и теперь он обращен лицом к Будде в соответствии с новой иерархией ценностей. Правда, Ленин некоторое время стоял задом и к обкому партии, когда тот перебрался в новое здание, построенное напротив старого, отданного Калмыцкому государственному университету. В новом здании обкома в 1993 г. разместилась администрация президента Калмыкии, так что Ленин неуважительно «отвернулся» и от новой власти. Когда же в 1994 г. на аллее, тоже позади Ленина, поставили статую Будды, то «неэтикетное поведение» Ленина стало уж слишком очевидным, и в 1998 г. его развернули на 180°.

11 См. статью «Ленин в Тбилиси: остались только ноги» // Коммерсант. 1990. № 34. Заглавие статьи относится к тому, что на следующий день после этой публичной «казни» городские власти решили демонтировать памятник более цивилизованным путем – при помощи кранов. Но поскольку Ленин стоял слишком прочно, они были вынуждены просто скинуть его с пьедестала. Тем не менее Ленин, видимо, «пустил» слишком крепкие корни, так что рабочие по демонтажу не смогли избавиться от его ног и вынуждены были прикрыть их брезентом.

12 Сходная национальная гордость спасла статуи Сталина в его родном городе Гори в Грузии.

Показательно, что хотя здесь Будда и не противопоставляется явно Ленину, однако эта пара тем не менее хорошо представляет систему семиотических оппозиций: большой – маленький (статуя Будды значительно уступает в размерах памятнику Ленину на высоком постаменте), черный – белый (Ленин изваян из темной бронзы, тогда как Будда из белого мрамора), металл – камень и, соответственно, культура – природа, активность – пассивность (Ленин стоит, в последнее время стал даже поворачиваться, тогда как Будда сидит) и, наконец, вовне – вовнутрь (Ленин призывает с протянутой вперед рукой, тогда как Будда погружен внутрь себя).¹³

Примером «цивилизованного» демонта-

Демонтаж памятника Ленину в Ереване, 1991.
(Фотография взята из книги «Мой Ереван. Մոյ Երեւան. Մու Երեւան». Автор и составитель – Г. Закоян. Ереван: АКНАЛИС, 2002. – С любезного разрешения автора и издательства.)

жа может служить упомянутая выше церемония в Ереване. Когда в соответствии с решением горсовета памятник Ленину начали демонтировать, народ собрался на площади в праздничном настроении, но без каких-либо признаков готовности к актам вандализма, характерным для подобных низвержений.¹⁴ Хотя церемонию предполагали провести ближе к вечеру,

13 Семиотическим анализом пары Ленин – Будда, как и всей информацией о калмыцком переосмыслении памятников я обязан Эльзе-Баир Гучиновой.

14 Само действие многими свидетелями было воспринято с амбивалентным чувством, которое традиционно описывается в психоаналитической литературе как чувство, испытываемое к отцу: страх-любовь-раскаяние, но в то же время радость избавления от тирана, который в данном случае воспринимался также как средоточие темных сил, мешавших нормальному развитию Армении.

многие пришли на площадь уже с утра – чтобы в последний раз увидеть ее в привычном виде и обсудить намечавшееся событие. Темы дискуссий, главным образом между осторожными пожилыми и революционно настроенными молодыми людьми, охватывали широкую область от конкретной роли Ленина в судьбе армян до практики демонтажа памятников вообще в мировой истории. Некоторые противники демонтажа ссылались также на художественную ценность статуи. Во время одного из многих таких обсуждений, которые я слышал в эти последние часы памятника, пожилой мужчина заметил своему юному оппоненту, что удаление памятника Ленина не приведет к тому, что магазины наполнятся товарами. Другой мужчина утверждал, что какие бы беды ни выпали на долю Армении по вине Ленина, он тем не менее остается частью армянской истории, и убрать его с площади равносильно убрать его из истории. На что его оппонент заметил, что Ленин заслужил, чтобы его убрали из истории Армении – чтобы дать ей шанс новой жизни. Как видим, магические и психологические аспекты демонтажа также были представлены на этом импровизированном «круглом столе» на площади. Когда церемония, наконец, началась и статую, прежде чем снять с пьедестала, обезглавили по конструктивным соображениям, у многих, как мне потом рассказывали, неожиданно возникло неловкое чувство, что они участвуют при публичной казни, тем более что когда голову отделили от туловища, из нее вылилось немного дождевой воды наподобие крови. У меня тоже возникло тогда такое чувство. Но когда статую высоко подняли при помощи подъемного крана, с того места, откуда я наблюдал за церемонией, неожиданно показалась надпись «АРМЕНИЯ» на крыше одноименной гостиницы – до этого памятник заслонял эту надпись, – и чувство вины покинуло меня. Люди вокруг меня тоже заметили это и приветствовали «освобождение Армении» криками восхищения и радости.

РОЖДЕНИЕ РИТУАЛА

Интересно, что само действие демонтажа неожиданно завершилось тут же родившимся своеобразным ритуалом. Когда памятник был уложен на лафет у постамента, пара милиционеров была вынуждена охранять его от ярости отдельных людей – один молодой человек хотел даже помочиться на поверженного Ленина в отместку за покаленную судьбу отца, как он объяснил милиционеру. Кое-кто из стоявших неподалеку в сквере стал бросать в поверженного вождя камешки. Когда же лафет двинулся через заполненную народом площадь, люди, видевшие эту акцию, пожелали следовать ей, но за отсутствием камешков стали бросать в медленно и торжественно удалявшийся памятник мелкую монету – естественный заменитель камешков на людной площади. Причем смена ритуального атрибута – «агрессивного» камня на приносящую достаток монету – сразу повлекла за собой смену настроения: если зачинатели ритуала начали

свою акцию с явно агрессивными чувствами, то все остальные бросали свои монетки с чувством радостного подъема, как исполняются всегда обряды с метанием монет.¹⁵ Так поверженный вождь покинул площадь, носившую его имя, под звон монет и веселые возгласы, чем была снята амбивалентность чувств, которой сопровождался процесс демонтажа.¹⁶

Бросание монет символизирует также идею возвращения – люди бросают монеты, обычно в воду, в тех местах, куда они хотели бы вернуться когда-нибудь. Так что ритуал изгнания памятника (бросание камней) фактически сменился на ритуал приглашения его обратно (бросание монет) – начавшись с «прощай», он завершился «до свиданием». В этом смысле церемония демонтажа в Ереване отличалась от сходных церемоний в других бывших коммунистических государствах, где главной целью было сделать все, чтобы изгоняемый никогда больше не вернулся. Как мы знаем, во время таких ритуалов народ часто крушил поверженные статуи, осквернял и попираал их. Тем не менее, в одном случае, описанном С. Арутюновым, та же цель была достигнута при помощи умиловительного жертвоприношения. В Улан-Баторе (Монголия) демонтированная статуя Сталина была окроплена молоком и молочной водкой, чтобы умиловленный таким образом дух Сталина никогда больше не вернулся. Как и в Ереване годами позже, этот ритуал родился спонтанно во время церемонии демонтажа. Арутюнов правомерно сравнивает улан-баторскую и ереванскую церемонии с ритуалом, которым было отмечено принятие христианства Киевской Русью в 988 г.: народ оттащил статую языческого бога Перуна к реке, сбросил его в воду и, слегка подталкивая с берега, дал ей уплыть за пределы страны.¹⁷ Понятно, что идол Перуна был больше чем памятником, это был воплощенный бог. Однако следует помнить, что Сталин тоже перенял многие функции божества языческого типа.¹⁸ Спонтанно родившийся в наши дни ритуал на ереванской площади показывает, что и сегодня памятник вождю, пусть даже поверженному и потерявшему

15 Сходное подношение монет ташкентскому мемориалу Неизвестного солдата с вечным огнем, нововведение конца 80-х гг., было воспринято некоторыми людьми как осквернение памяти павших героев, воплощенных в этом памятнике – см. небольшую заметку под названием «Память не разменяете?», обыгрывающим описываемую ситуацию, в «Комсомольской правде» от 7 мая 1988 г.

16 Психоаналитическое толкование этой акции предложила психолог Н. Богатова: поскольку деньги традиционно являются символическим замещением экскрементов, то забрасывание памятника монетами на подсознательном уровне равноценно его осквернению.

17 Арутюнов С.А. Отзыв на книгу: Васильев М.А. «Язычество восточных славян накануне крещения Руси: религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. Москва, 1999» // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 183.

18 См., например, Абрамян Л.А. Тайная полиция как тайное общество: страх и вера в СССР // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 38.

свою силу, продолжает сохранять что-то от древнего божества, роль которого он выполнял в известной мере все годы стояния на площади.

По сравнению с Перуном, в ереванской церемонии путь Ленина был намного короче – Ленин пересек площадь, некогда носившую его имя, чтобы бесславно улечься во дворе музея, с которым памятник вел борьбу за верховенство в пространстве все предыдущие годы советской власти.¹⁹ Симптоматично, что хотя двор, где ныне покоится Ленин, обычно называют двором Национальной галереи искусства, он равным образом может приписываться и Государственному музею истории Армении и бывшему Музею революции (который вполне логично составляет в настоящее время часть Музея истории) – так как все эти музеи занимают одно и то же здание, которому памятник Ленина проиграл битву за пространство. Таким образом спор о том, представляет ли статуя Ленина историческую, идеологическую или эстетическую ценность, получил свое логическое «разрешение».

Помнить злодеев!

Судьба статуи Ленина на самом деле широко обсуждалась намного раньше описанной выше церемонии ее демонтажа, и снова в плане ее эстетической и исторической ценности. Я не раз обсуждал эту проблему с Амбарцумом Галстяном – первым мэром Еревана после приобретения Арменией независимости. Я предлагал организовать парк-музей тоталитаризма, который собрал бы всю возможную визуальную и документальную память о советском прошлом Армении. Демонтированный памятник вместе с многочисленными малыми статуями и статуэтками коммунистических лидеров, собранными со всех районов и учреждений Армении, образовал бы главную монументальную часть этого парка-музея, который напоминал бы грядущим поколениям о драматической истории их страны и способствовал тому, чтобы подобный опыт не повторился.²⁰ Идея мэру понравилась, и он уже начал прикидывать, где конкретно в городе мог бы быть заложен будущий парк-музей, но этому проекту не суждено было реализоваться.²¹

Сходный проект был осуществлен в Будапештском скульптурном парке-музее. Кстати, в Будапеште же в феврале 2002 г. был открыт также музей «Дом террора», демонстрирующий подробности нацистского и

19 Борьбе за доминирование в пространстве, которую «вели» памятники и музеи Еревана, автор посвятил специальную главу «Музей как зеркало и генератор идентичности» в своей готовящейся к изданию книге *Armenian Identity in a Changing World* (N.Y.).

20 Или наоборот, питал бы сегодняшнюю ностальгию по сравнительно обеспеченным временам недавнего советского прошлого.

21 В 1992 г. Амбарцум Галстян подал в отставку, а в декабре 1994 г. он был убит на пороге своего дома – убийцы и организаторы убийства до сих пор не обнаружены.

коммунистического режимов в Венгрии. Примечательно, что зданием для музея выбран дом в самом центре венгерской столицы, где в 1944 г. размещалось руководство венгерской пронацистской партии, повинной в смерти сотен тысяч жертв нацизма, а с 1945 по 1956 – венгерский аналог КГБ, истязавший и убивавший тысячи инакомыслящих в подвалах этого здания. Современное руководство страны, открывая подобный музей, выразило надежду, что самым актом помещения демонстрируемых ужасов за стеклянные витрины музея страна навечно избавится от них в реальной жизни.²² В Москве поверженные статуи, в том числе Дзержинского, просто сгрудили в парке близ новой большой галереи искусств. Статуи лежат здесь в беспорядке, представляя собой скорее революционную ярость против памятников, чем музей тоталитаризма.

Идея меморизации в памятниках нежелательного прошлого в качестве дидактического напоминания не нова, хотя она и не так широко распространена, как противоположная тенденция – стереть драматический опыт из памяти поколений, чтобы исключить его из национальной истории. Так, в Ханчжоу (Китай) памятник Юэ Фэю, который стал жертвой предательства в середине XII в., сопровождается статуями тех, кто его погубил. Предатели изображены коленопреклоненными, они как бы просят прощения за содеянное зло. Это историческое напоминание было поставлено на могиле Юэ Фэя в последнее время, когда могилу восстановили после того, как ее разрушили проводники «культурной революции», стремившиеся стереть все некоммунистическое из прошлого Китая. В Ханчжоу в свое время была также специально поставлена статуя Цинь Гуя, главного злодея этой истории, чтобы каждый китаец имел бы возможность плюнуть в лицо предателя нации.²³ Параллельно с «вечным» поклонением национальному герою мы имеем здесь «вечное» презрение к его антагонисту. Если в армянской традиции сходное противопоставление героя и предателя, персонифицированное в противопоставлении Вардана и Васака, главных персонажей решающей битвы за веру,²⁴ отражается на уровне слова и мысли (в литературе и национальной идеологии), то в китайской традиции добавляется также уровень дела – посредством «задействованного» памятника. Последний случай обеспечения постоянного выхода исторически обоснованного эмоционального напряжения можно сопоставить с регулярным выплеском ритуальной ненависти по отношению к мифологическим антигероям во время сезонных праздников по

22 *The Japan Times*, February 22, 2002, p. 9.

23 *Фон Зенгер, Харро, Дыбо А.В.* (пер.). Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Москва: Изд. Группа «Прогресс», «Культура», 1995. С. 120, 362, прим. 15.

24 В результате Аварайрской битвы 451 г. армяне, восставшие под предводительством Вардана Мамиконяна против персидского царя, желавшего насильственно вернуть армян в зороастрийскую веру, отстаивали свою недавно (в начале IV в.) приобретенную христианскую веру, хотя и проиграли битву. Васак Сюни выступил на стороне персов.

всему земному шару. Карнавальные фигуры этих архиврагов специально сооружаются, чтобы уничтожить их тем или иным способом в конце церемонии²⁵ (обычно их сжигают или бросают в воду) – как, например, гигантские чучела Раваны и его двух помощников-демонов, главных антигероев индийского эпоса «Рамаяна», регулярно сжигаются во время праздника Дасахра. Эти ритуальные чучела напоминают таким образом одно-разовый памятник, который «демонтируют» во время праздника разрушения. С другой стороны, памятники, демонтированные во время «праздника» перестройки, фактически сыграли роль окказиональных ритуальных «чучел», которые в традиционных обществах регулярно сооружаются и уничтожаются.

ОНТОЛОГИЯ ПАМЯТНИКА

Однако логика политического «праздника» демонтажа скорее направлена на уничтожение памятника навеки – во всяком случае эти «праздники», к счастью, пока не стали регулярными церемониями. Так что главная цель здесь, как мы уже не раз говорили, выражается в стремлении стереть драматический исторический опыт и его антигероев из исторической памяти. Следует отметить также иной аспект памятника – его связь с надгробным памятником. Здесь я не имею возможности обратиться более подробно к этой теме, имеющей отношение, возможно, к началу понятия памятника вообще.²⁶ В любом случае, поскольку памятник во многих смыслах связан с надгробием, воплощающим усопшего, он часто делит судьбу своего прототипа, чей труп в разных традициях уничтожают, чтобы от него не осталось ни следа для будущего воскрешения или возможного поклонения. Так в 1775 году труп казненного русского бунтаря Пугачева был четвертован, затем предан огню, а прах был развеян по четырем странам света. Екатерина II велела также сжечь все его изображения и дом, в котором он родился, а его родное село переименовать и перенести на другой берег Дона. Река Яик на Урале, откуда началось крестьянское восстание, была вновь переименована в Урал.²⁷ Как видим, переименование

25 Ср. игрушечные фигуры, воплощающие начальников, которые эти начальники иногда помещают на своих предприятиях в Японии, чтобы служащие «в шутку» поколотили их, разрядив таким образом накопившееся напряжение и агрессивность. Я благодарен проф. К. Иноуэ за обсуждение этого примера.

26 См. раздел о «предпамятниках» в готовящейся к изданию книге автора об армянской идентичности (*Armenian Identity in a Changing World*, N.Y.), где намечаются два пути к памятнику – «природный», с культурными ассоциациями в ландшафте, и «культурный», восходящий к мифологеме о прорастании жертвы вертикальной структурой, в идеале мировым деревом (ср.: Абрамян Л.А., Демирханян А.Р. Мифологема близнецов и мировое дерево // Историко-филологический журнал. 1985. № 4. С. 66-84).

27 См., например, А. Borodatova, Jean Meyer (coord.), “Pugachóv o las peculiaridades del motín ruso,” *Tres Levantamientos Populares: Pugachóv, Túpak Amaru, Hidalgo* (Mexico: CEMCA, 1992), p. 45.

здесь идет параллельно с уничтожением человека-первопричины и всем, что ассоциируется с ним. Таким же образом труп Григория Распутина, убитого в декабре 1916 г., тайно похоронили в марте 1917 г., чтобы предупредить народное паломничество к его могиле.²⁸ Несмотря на подобные магические изгнания из памяти, изгоняемые тем не менее чудесным образом возрождаются, причем в самых разных контекстах, как это случилось, например, с Пугачевым, который «вернулся» не только вскоре после восстания, но и совсем недавно – вместе с бунтарским духом защитников российского парламента в августе 1991 г.²⁹ Зловещая фигура Распутина тоже не исчезла в безвестие. Она вернулась, например, в имени президента Владимира Путина – в первые дни его прихода к власти, когда эти два имени активно сравнивались «исторически» или толковались в соответствии с понятиями *путь* и *распутье* в русской истории.

ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

В процессе общего движения, направленного против памятников, иногда вместо разрушения соответствующего памятника предлагалась новая его интерпретация после переоценки прототипа. Переинтерпретация вообще нередко оказывалась в истории культуры более действенным методом борьбы против старого, чем его разрушение (запрещение) – так издавна боролись с неистребимыми языческими богами, праздниками и обычаями. Хотя и не всегда ясно, было ли это результатом мудрой и психологически точной стратегии проводников новой веры или же так живучее старое адаптировалось и мимикрировало, чтобы выжить в новых условиях. Сказанное относится в равной степени и к памятникам. Причем если в Айя-Софии легко распознать в основе современного облика мечети христианский храм, то лишь археологическое изучение, причем далеко не всегда возможное, позволяет распознать дохристианскую основу иных христианских архитектурных памятников. Более того, само понятие «разрушения» в древности могло иметь другой смысл, близкий к «реинтерпретации».³⁰ В случае памятников-монументов, кроме подобной реинтерпре-

28 Аргументы и факты. 1991. № 27.

29 См.: Borodatova, “Pugachón o las peculiaridades del motín ruso,” pp. 47-52; *Бородатова, Абрамян*. Август 1991. С. 53.

30 Так, сравнительный анализ источников позволил Г. Акопяну прийти к заключению, что описания беспощадного разрушения памятников языческой веры в пору утверждения христианства в Армении порой носят откровенно мифологизированный характер, тогда как переход в христианство служителей старой веры нередко носил гораздо более умеренный характер, а переоформление памятников можно описать как обычную переинтерпретацию – см.: *Акопян Г.* Некоторые подробности разрушения капищ и истории об обращении армян в христианство // *Армянские святыне и святилища: истоки, типы, культ*. Ереван: Айастан, 2001. С. 150-152 (на арм. яз.).

тации, прибавляется еще и технически-прагматический момент – старый памятник используется в качестве основы нового не обязательно как триумф нового над старым, а просто потому, что старый и забытый (или вовсе чужой) памятник представляет собой уже обработанную основу (полуфабрикат) для создания нового. Например, *хачкары*,³¹ которые ныне стоят во дворе музея в г. Ван (Турция), были вырезаны армянами в средние века нашей эры на урартских стелах, остававшихся «не при деле» по меньшей мере две тысячи лет – памятник сохранил в необработанных частях урартскую клинопись. После 1918 г., когда армяне Вана были вынуждены покинуть свою родину, местное мусульманское население отбило кресты с рельефов – уже в сознательной борьбе с идеологией памятника.

В позднесоветское и послесоветское время переинтерпретации памятников носили, понятно, сугубо сознательный характер. Например, на постаменте памятника Карлу Марксу в Москве в 1991 году появилась надпись белой краской «ПРОСТИТЕ МЕНЯ», отмечающая крах теоретических предсказаний великого праотца коммунистов. К подобной юмористической трансформации памятника примыкают более радикальные проекты В. Комара и А. Меламида относительно посткоммунистических трансформаций коммунистических памятников. Эти художники-концептуалисты предложили изменить памятники тоталитарного советского искусства в «непреходящие уроки истории». Согласно одному из таких проектов, упомянутый выше памятник Марксу предлагалось перевернуть вниз головой – такая инверсия, по мысли авторов, должна была символизировать возвращение гегелевой диалектики в свое нормальное положение. Демонтированного Дзержинского предлагалось вернуть на свой пьедестал, но монументально зафиксировать миг самого демонтажа, когда на шею Дзержинскому была накинута петля-трос. Подобные жестокие проекты, к счастью, никто не собирается реализовывать, так как они превратили бы тоталитаристические памятники в образы вечной экзекуции, выдавая постыдный вандализм революционной толпы за «уроки истории».³² Хотя концептуалистический проект тех же художников «отредактировать»

31 *Хачкар* (крест-камень) – каменная стела с рельефом креста (как правило, расцветшего) на западной стороне – многофункциональный мемориальный памятник, классические образцы которого получили распространение в Армении начиная с IX в. О композициях, символике и истории *хачкара* см., например, Hamlet Petrosyan, “The *Khachkar* or Cross-Stone,” in Levon Abrahamian and Nancy Sweezy, eds., *Armenian Folk Arts, Culture, and Identity* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2001), pp. 60-70.

32 См. критику этих проектов в статье *Аристова Вл.* “Боги умирают без посторонней помощи” // Независимая газета. 1992, 23 сентября. С. 7. Ее подзаголовок «Не надо загонять остатки монументального совискусства в концлагерь» выражает также и мою тревогу насчет создания новой тоталитаристической реальности вместо музея тоталитаризма.

Мавзолей Ленина добавлением «ИЗМ» к теперешней надписи «ЛЕНИН» мог бы представить лаконичную посткоммунистическую переоценку ленинизма (конечно, в случае, если мумия Ленина будет захоронена) без разрушения и глобальной переделки этого главного памятника советского строя. Однако и в этом случае сохраняется назидательный тон «учителя истории». Возможно, другая идея тех же авторов (идей у этих ярких представителей соцарта, как видим, достаточно) – заменить теперешнюю мраморную плиту с надписью электронным табло с бегущей неоновой строкой новостей типологически больше бы отвечала обычной ценностной переориентации памятника. Гораздо больше отвечающей духу времени и безопасной для памятников, была бы, думается, их возможная новая редакция-переоценка оригинальным методом польского концептуалиста Кшиштофа Водичко, который вот уже лет двадцать «редактирует» всевозможные знаменитые памятники и здания путем проецирования на них самых неожиданных «корректирующих» изображений.³³

Церемония демонтажа памятника обычно не заканчивается удалением статуи – из-за пьедестала, который остается пустующим и открытым для дискуссий и гаданий на тему о новом преемнике, который займет место скинутого предка или героя. В Армении, после того как демонтировали громадный памятник Сталина, соответствовавший его величине большой пьедестал долго оставался «незаселенным», и люди гадали, кто же займет место Отца народов. Хотя проспект Сталина, который тянулся к холму, увенчанному монументом, и был переименован в проспект Ленина, Ленин не был реальным претендентом на место Сталина, поскольку Ереван уже имел памятник Ленина – тот самый на площади, церемонию демонтажа которого мы только что описали. Понятно, что обсуждение начала 1960-х гг. не было столь свободным, как сходное обсуждение касательно ленинского пьедестала в начале 1990-х гг. Согласно одной неофициальной версии, громадный пьедестал имело бы смысл увенчать непропорционально маленькой фигурой рабочего – истинным героем советского тоталитарного строя.³⁴ Однако постсоветская «демонтажная эпидемия» в Ереване, как мы уже знаем, не пощадила и памятник Рабочему. Место статуи Сталина в конечном итоге было занято статуей Матери Армении – Отец всех советских народов уступил свое место Матери одного конкретного народа. Следует отметить, что статуарные памятники не являются древней традицией в Армении, они пришли сюда с Запада, главным образом через русскую культуру. Для Армянской традиции были

33 См. примеры таких редактирующих проекций в каталоге художника, приуроченного к его отмеченной премией проекции 1999 г. в Хиросиме (Wodiczko, Krzysztof. The 4th Hiroshima Art Prize. Hiroshima City Museum of Contemporary Art, 1999). На проекции Водичко обратил мое внимание Томек Богданович, которому я приношу свою благодарность.

34 Идея принадлежит архитектору Андрею Дрознину (частное сообщение).

Мать-Армения, сменившая Сталина в 1967 г. (Фотография взята из книги «Мой Ереван. Մոյ Երեւան. My Yerevan. Автор и составитель – Г. Закоян. Ереван: АКНАЛИС, 2002. – С любезного разрешения автора и издательства.)

характерны памятники в виде стел (развитие «культурного» варианта упомянутой выше модели предпамятников), среди которых жанр *хачкара* стал даже национально специфичным. Образ же Матери-Армении вообще, скорее всего, был заимствован из русской традиции, причем позднего времени – ср. плакат «Родина-мать зовёт» первых военных лет и гигантский послевоенный мемориал в Волгограде (Сталинграде). Может быть, это и стало причиной того, что памятник Матери-Армении так и не стал новым символом армянской идентичности³⁵ – эту функцию главным образом выполняет большой памятник герою армянского эпоса Давиду Сасунскому работы Ерванда Кочара, стоящий на вокзальной площади города.

35 В армянской традиции, как и в любой иной земледельческой традиции, существует архаическое символическое отождествление земли и женщины – рожавшей матери, но националистический дискурс здесь шел скорее в патриархальном направлении – в сторону отчизны-*hayreniq* (от *hayr* [отец]). В последнее время употребляется даже парадоксальная формула *mayr-hayreniq* [мать-отчизна]. Следуя логике этого выражения, памятник должен был бы иметь андрогинную природу. (Пользуясь случаем выразить благодарность проф. Т. Уяма за конструктивное обсуждение последнего памятника.)

Сходная статуя Матери-Грузии возвышается у одного из въездов в столицу Грузии Тбилиси. Но если у Матери-Грузии меч остается в ножнах – она лишь слегка обнажает клинок, демонстрируя потенциальным врагам готовность защи-

Не удивительно, что этот герой, воплощающий идею борьбы против иноземных захватчиков (в историческом плане – арабских), был одним из претендентов на место поверженного Ленина. В видеоклипе, пропагандирующем партию «Дашнакцуюн»³⁶ во время предвыборной кампании 1999 года за места в парламенте, на бывшей площади Ленина, ставшей теперь площадью Республики, свершается чудо. Со вспышкой света памятник Давида неожиданно появляется на том месте, где недавно стоял Ленин, причем это чудесное перемещение памятника с одной площади на другую сопровождается еще одним чудом: двуглавая гора Арарат меняет свою обычную дислокацию (большая гора справа) на зеркальную (большая гора слева), т.е. вид с Армении меняется на вид с Турции – символ, широко используемый для визуализации мечты армян об обретении вновь своей исторической территории.

Однако в этом клипе памятник Давида перемещается вместе со своим постаментом, тогда как дискурс главным образом шел вокруг того, кто «взойдет» на пустующий пьедестал, который воспринимался как нечто не имеющее вроде бы никакой связи с прежним памятником – как если бы это был некий вечный пьедестал, который непременно должен быть увенчан кем-либо или чем-либо.³⁷ В праздных разговорах, горячих дискуссиях, сплетнях или уличных телеинтервью люди гадали или предлагали, кто должен быть следующим на пьедестале, иногда ссылаясь на секретные и авторитетные источники. Претенденты охватывали широкий спектр – от Ноя и царя Аргишти, основателя урартского предшественника Еревана, до генерала Андраника, героя времен геноцида 1915 года и первой Республи-

тить свой народ, то Мать-Армения держит обнаженный меч перед собой в странном нефункциональном горизонтальном положении, поддерживая острый клинок ладонью левой руки, – возможно, еще одна странная деталь (замеченная Г. Петросяном – частное сообщение), способствующая ее не слишком большой популярности. Кстати, исторические женские образы в грузинской традиции – Св. Нино, с именем которой связано начало христианства в Грузии, и, в большей степени, царица Тамара, во время царствования которой (1184–1207) Грузия переживала пору расцвета, – делают образ Матери-Грузии более «национальным».

36 Одна из традиционных армянских политических партий (образована в конце XIX в.), запрещенных в советское время.

37 Поразительный пример сказанному можно увидеть в длинной последовательности памятников, возводимых в ташкентском сквере на одном и том же месте на том же, слегка модифицированном или же совсем новом пьедестале. В 1913 г. был поставлен первый памятник – «покорителю Средней Азии» генералу фон Кауфману, в 1918 г. его сменил памятник «Освобожденному труду», в 1927 г. – памятник 10-летию Октября, с начала 1950-х гг. по 1962 г. здесь возвышался монумент Сталину, в 1968 г. его заменил Карл Маркс, а в 1993 г. Маркса в свою очередь заменил Тамерлан (см.: *Книжник М.* Ташкент, Сквер. Место во времени // *Малый шелковый путь. Выпуск второй.* М.: Изд-во Руслана Элинина, 2001. С. 75-88). Этим ярким примером я обязан Е. Абдуллаеву.

ки (1918-1920),³⁸ и президента Левона Тер-Петросяна. Последнее мнение принадлежало небольшой группе участников дискурса, которая выступала против того, чтобы пьедестал сохранили – по их мнению, президент приказал сохранить пьедестал с тайной надеждой взобраться на него самому. Однако когда президент, наконец, решил в 1996 году снести постамент, возможно, чтобы разом навсегда покончить с «пьедестальными страстями»,³⁹ поднялась очень активная волна протестов, которые главным образом подчеркивали эстетический аспект постамента. Пьедестал и трибуна, с которой коммунистические лидеры некогда приветствовали парады во время советских праздников, были спроектированы архитекторами Н. Паремужовой и Л. Варданяном и действительно представляли собой один из лучших образцов этого жанра.⁴⁰ Несмотря на советскую символику (рельеф большого развевающегося красного знамени из порфира на фоне кованого белого мрамора, которым была облицована трибуна),⁴¹ этот ансамбль, в особенности трибуна, воспринимался большинством ереванцев как образец национального искусства, по-видимому, благодаря высокохудожественной резьбе в стиле традиционных *хачкаров*, обрамлявшей трибуну.

Борьба за сохранение пьедестала оказалась гораздо более ожесточенной, чем дискурс по удалению Ленина с этого пьедестала. Журналисты, архитекторы, художники, поэты, известные деятели культуры и не столь известные люди писали заметки в газетах в защиту постамента, осуждая тех, кто стремился удалить его с площади. (Порой в гневных осуждениях звучало и сожаление о статуе Ленина.) Например, в следующем пассаже из подборки писем, помещенных под общим заголовком «Нам бесконечно больно...» (Голос Армении. 1996, 15 августа): «...Мне стало бесконечно

38 Позже, в 2001 году, громадную десятиметровую статую генерала Андраника решили поставить близ нового кафедрального собора в Ереване. Предполагается, что генерал каким-то ловким способом будет седлать двух коней, символизирующих Армению и армянскую диаспору, а может быть, шире – Восточную и Западную Армению.

39 Ср. противоположное решение Цезаря вернуть на свои пьедесталы поверженные статуи Помпея после того как одержал победу над ним. Цицерон по этому поводу сказал, что Цезарь, восстановив статуи Помпея, утвердил свои собственные (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Цезарь, LVII). Этот и другие исторические примеры обращения с памятниками не раз вспоминались в период постсоветской войны с памятниками (см., например, *Вайль П.* Какая дорога ведет к Риму? Государственный переворот 2000 лет назад // Независимая газета. 1992, 31 марта. С. 8).

40 Последняя высокая оценка является не только частным мнением автора: я не зафиксировал ни одного противоположного мнения ни среди специалистов, ни среди обычных обывателей, даже если они были за то, чтобы пьедестал снесли по политическим соображениям.

41 Один из моих информантов, противник сноса трибуны, не возражал против того, чтобы убрали только красное знамя; другой предлагал заменить советское красное знамя армянским красно-сине-оранжевым.

больно, когда я увидел, как зубилами разрушается орнамент. Это то же самое, что вершину Арабата подточить зубилами. Без памятника площадь опустела, осиротела». Или в другом месте из той же подборки: «Этот свергнутый в центре Еревана постамент, это пепелище стало символом какой-то общей беды... Именно этот свергнутый постамент – зеркало уровня нашей культуры... И тут мы, «самые-самые», на такое решились, на что ни у кого в мире не поднялась бы рука». По замечанию одного профессора архитектуры, «на протяжении тысячелетий наши памятники разрушали иноземцы, теперь эта неблагоприятная роль достается уже нам» (Голос Армении. 1996, 8 августа). Известная поэтесса Сильва Капутикян написала, что она вычеркнет имя президента Левона Тер-Петросяна из избирательного бюллетеня только за то, «что с его ведома на земле Армении совершился такой акт вандализма, как снесение постаментов – произведения искусства» (Голос Армении. 1996, 6 августа), а одна старая женщина даже сравнила разрушение ленинского постаментов с разрушением церкви Погоса и Петроса (Св. Павла и Петра) в Ереване в ранние годы советской власти. 31 июля 1996 г. примерно 50 участникам пикета, организованного коммунистической партией Армении, удалось прорваться через ограждение, возведенное вокруг постаментов, и выключить компрессор, так что работы по демонтажу были временно приостановлены. На ограждении появились транспаранты, призывавшие остановить разрушение культурных ценностей, и надпись «Да отсохнет рука разрушающего». Рабочие по демонтажу, по-видимому, стыдились того, чем они были вынуждены заниматься, и разбежались, когда фоторепортер направил на них свою камеру (Голос Армении. 1996, 1 августа).

Такое обостренное чувство к пьедесталу свидетельствует, по-видимому, о более глубоких ассоциациях, связанных с ним в человеческой психике, чем просто беспокойство о художественном наследии. Пьедестал представляет собой что-то вроде оси для исторической ориентации, у него как бы имеются свои особые корни в истории нации,⁴² хотя пьедестал для статуи Ленина был специально сконструирован для этого конкретного памятника в 1940 году и не имеет своей собственной истории – более того, он вначале вообще не был предусмотрен архитектором Александром Таманяном, автором первого генерального плана города Еревана 1924 года.⁴³ Однако в случае с памятником Дзержинского в Москве пьедестал тут

42 Трудности, с которыми столкнулись работы по демонтажу ввиду чрезвычайной прочности постаментов (см. Голос Армении. 1996, 3 августа), как бы подтвердили такое представление.

43 Этим последним обстоятельством манипулировали те, кто хотел убрать с площади памятник вместе с постаментом. Место будущего памятника Ленина на площади было темой бурных дебатов в 1937-1938 гг. – см.: Григорян М. Площадь Ленина в Ереване. Воспоминания о проектировании и строительстве. Ереван: Айастан, 1969. С. 29, 61-63.

же был вовлечен в особую пьедестальную мифологию: по слухам, он был гораздо старше статуи Дзержинского и до революции принадлежал памятнику одного из русских царей, то есть его «корни» уходили в глубь русской истории. Когда Дзержинского повергли, новый «царь» – Ельцин обратился к народу со ступеней этого пьедестала.⁴⁴ Так что пьедестал оказывается особым локусом, который соединяет настоящее с прошлым, чтобы сделать будущее возможным. В этом смысле он «вечен», с «корнями» в истории, в то время как те, кто его увенчивают, лишь преходящи. Любопытно, что тема корней возникает также в случае, когда памятник вообще не имеет пьедестала: так, азербайджанцы обвиняли армян в том, что они специально поставили в Нагорном Карабахе памятник «Мы и наши горы» (громадные головы старика и старухи в национальном головном уборе – скульптор С. Багдасарян) без пьедестала, чтобы подчеркнуть, что эти представители местных армян уходят корнями в родную землю.⁴⁵

Памятник «Мы и наши горы» в Нагорном Карабахе.

В 1992 г., год спустя после демонтажа памятника Дзержинского, был предложен проект, который предлагал на месте пьедестала возвести часовню в качестве надгробия всем неизвестным жертвам Красного Террора,⁴⁶ знаменитым палачом которого был Дзержинский. Десять лет спустя сюда хотели перенести Соловецкий камень, олицетворяющий жертв

44 *Бородатова, Абрамян*. Август 1991. С. 53-54.

45 *Алиев И.* Нагорный Карабах: История. Факты. События. Баку: Элм, 1988. С. 36.

46 См. Независимая газета. 1992, 13 августа. Во время импровизированного митинга

репрессий, который находится недалеко от этого места – перед Политехническим музеем, однако Дума не поддержала это предложение. Сегодня место пьедестала занимает лишь небольшая травяная клумба. Сходная лужайка, только побольше размером, «выдернула с корнями» пьедестал Ленина в Ереване, как бы воплощая пушкинскую метафору «травы забвенья». Однако подобно тому, как Ельцин сделал попытку, хотя лишь краткую и предварительную, занять пьедестал в Москве, армянский президент фактически тоже предпринял сходную попытку в Ереване. Во время президентской предвыборной кампании 1996 года точно на месте пьедестала соорудили помост, откуда президент обратился к народу с предвыборной речью. Это топографическое совпадение широко обсуждалось в негативном контексте – вследствие низкой популярности президента в то время, а также потому, что сразу после его обращения на том же помосте состоялся концерт популярной музыки, что было воспринято некоторыми как акт неуважения и святотатства по отношению к поверженному Ленину. К 1-му января 2001 г. на том же самом месте был воздвигнут громадный крест в знак отмечавшегося в этом году 1700-летия принятия христианства в качестве государственной религии в Армении, что было интерпретировано одним моим богобоязненным информантом как знак окончательной победы христианской веры над антихристом Лениным.⁴⁷

ПАМЯТНИК – НАДГРОБЬЕ

Однако более популярным было мнение, что крест является знаком могилы, в которую Армения превратилась, – имелось в виду тяжелое экономическое и социальное положение Армении на пороге XXI столетия. Таким образом, мы снова вернулись к упоминавшейся выше общей проблеме памятника как надгробья. Могильная тема вообще была довольно популярной в анекдотах и шутках того времени, которые строились в жанре черного юмора. Например, одна такая «черная шутка» констатиру-

по случаю демонтажа знаменитый виолончелист Ростропович, который специально приехал из-за границы, чтобы принять участие в восстании против хунты, предложил поставить на месте Дзержинского статую Солженицина (Независимая газета. 1991, 24 августа).

- 47 Следует отметить, что это мнение фактически воссоздает метод борьбы Григория Просветителя, основателя христианской веры в Армении, с символами языческой веры, в частности со статуарными изображениями божеств эллинистического круга – на их месте, по свидетельству автора IV в. Агафангела, устанавливалась колонна, увенчанная крестом, – см. *Агатангелос*. История Армении. Ереван: Изд. Ер. унта, 1983. С. 777-790 (на древнеарм. и арм. яз.). О ритуально-мифологических аспектах этих первых христианских памятников см.: *Абрамян Л.* Небесный храм, вырастающий из тела жертвы: видение Григория Просветителя с этнологической точки зрения // *Армянские святые и святыни: истоки, типы, культ*. Ереван: Айастан, 2001. С. 361-367 (на арм. яз.).

вала, что мертвые возвращаются в Армению, тогда как живые ее покидают, имея в виду ряд торжественных церемоний перезахоронения в конце 1990-х гг. – нечто вроде «репатриации» в Армению известных армянских покойных деятелей из диаспоры, с одной стороны, и одновременную массовую эмиграцию из Армении, с другой стороны.⁴⁸

Мемориал жертвам геноцида 1915 года, Ереван. «Надгробные корни» могут быть прослежены во многих (если не во всех) древних и современных армянских памятниках. Наверно, лучшим примером надгробья (могильного памятника) нашего времени может служить Мемориал жертвам геноцида 1915 года, воздвигнутый в Ереване в конце 1967 г. Авторы проекта (архитекторы А. Тарханян и С. Калашян) задумали памятник как разверстную могилу: двенадцать установленных по кругу плит, наклоненных к горящему в центре вечному огню, визуализируют этот акт разверзания символической коллективной могилы жертв геноцида.⁴⁹ В 1988 г. на территории мемориала, недалеко от главного памятника, был поставлен *хачкар* в память о жертвах сумгаитских погромов,⁵⁰ а вскоре к символичес-

48 В одном из вариантов этого анекдота фигурирует легендарный генерал Андраник, чей прах был доставлен из Парижа в Ереван и перезахоронен с большими почестями в 2000 г. Дух генерала недоумевает, почему его привезли обратно в Армению, если все покидают ее. По иронии судьбы, призыв «Андраник, спаси армян!» был популярен во время народных выступлений 1988 года – например, он регулярно фигурировал на широкой бумажной ленте на шляпе одной женщины-активистки Движения.

49 Однако народ дал свою, ныне общепринятую интерпретацию плит и их числа: считается, что они символизируют шесть вилайетов и других мест в Османской Турции, где компактно проживали армяне до геноцида.

50 В последние дни февраля 1988 г. в азербайджанском городе Сумгаите произошли антиармянские погромы в ответ на выступление армян за отделение Нагорного Карабаха от Азербайджана. Погромы были восприняты армянами как продолжение политики геноцида армян 1915 г. в Османской Турции.

ким могилам мемориала добавилось несколько уже настоящих могил воинов-*фидаинов*, погибших во время войны в Карабахе.⁵¹ В 1994 г. это символическое кладбище получило свое логическое завершение, когда был построен подземный Музей геноцида и особенно когда тот приобрел свой главный экспонат – череп неизвестной жертвы из пустыни Дейр-эз-Зор, где нашли свою смерть тысячи армян во время геноцида.⁵²

Появление *хачкара* в мемориальном комплексе вряд ли можно считать случайным, поскольку этот традиционный многофункциональный памятник широко использовался также и в качестве надгробия. В настоящее время *хачкар*, как традиционный, так и модернизированный, играет роль одного из самых престижных надгробий – такое «возрождение» символа смерти началось в 1960-х гг. после долгого периода сравнительного забвения. В 1990-х гг. он вновь приобрел свою древнюю функцию мемориальной стелы.⁵³ Однако даже в этих случаях он часто отмечает какое-либо героическое событие, которое непременно имеет драматический оттенок и в конечном счете связано со смертью. Даже когда такой памятник не связан прямо со смертью, крест «креста-камня» отсылает нас к Кресту Распятия и могиле Адама в его основании. В *хачкаре* есть, конечно, также и идея о возрождении – ср. типологию древа жизни как в «кресте-камне», так и в его божественном прототипе. Но если идея возрождения здесь присутствует на уровне структуры и неявно, то идея смерти – явно и в выраженном виде.⁵⁴ Как бы то ни было, крест, воздвигнутый для того, чтобы с гордостью отметить первых официальных христиан, через 1700 лет обратился в их глазах, как мы уже говорили, в символ их смерти. Некоторые мои информанты даже интерпретировали временно установленный крест как «крест армян», т.е. вечный крест, который суждено нести армянскому народу. В 2001 году многие опасались, что этот

51 Присутствие воинов-*фидаинов* (гайдуков) среди жертв не противоречит идее памятника, поскольку понятие «фидаин» традиционно ассоциируется (в том числе этимологически) с идеей о жертве, добровольно приносимой во благо своего народа.

52 Я благодарен Юргену Гисперту (Лейпцигский университет) за ценное обсуждение могильного символизма Мемориала жертвам геноцида. Различные аспекты реализации памяти нашли отражение в его готовящейся диссертации на тему «Мемориальная культура в Армении».

53 См. Petrosyan, “The *Khachkar* or Cross-Stone,” p. 68.

54 Ср. ритуал, который диктуется конструкцией Мемориала жертвам геноцида: посетители спускаются в «могилу», чтобы выйти из нее как бы возрожденными. Имеется также визуальное воплощение идеи возрождения – вертикальная двухчастная структура, возвышающаяся метрах в двадцати от «могилы». Возможно, подобные символы и ритуалы необходимы армянам, чтобы психологически выдерживать постоянное присутствие трагедии. Однако тема возрождения вроде бы перекрывается более живучей памятью о смерти. Вспомним, что первоначальная символика возрождения в связи с 12 панелями памятника была сразу же переиграна более стабильной символикой смерти.

аляповатый крест на месте памятника Ленина навсегда испортит строгую архитектурную гармонию площади, но, к счастью, после завершения юбилейного года его все же сняли. Однако «свято место пусто не бывает», и ереванцы вновь начали обсуждать, чей же памятник поставить или, на худой конец, перенести на место Ленина.⁵⁵ В Ереване, у музея «Эребуни», появился новый памятник – урартскому царю Аргишти, основателю крепости Эребуни – предтечи Еревана. Кстати, царь Аргишти был одним из претендентов на место Ленина на пустующем пьедестале, пока тот тоже не демонтировали. В городе появилось также несколько обелисков, информирующих о том, что в этих местах скоро появятся новые памятники – город продолжает обрастать памятниками. Остается надеяться, что символика смерти, заложенная в любом памятнике, будет перекрыта более мощной символикой возрождения – также неотъемлемой составляющей идеи памятника, как это хорошо видно хотя бы на примере расцветшего креста традиционного *хачкара*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались представить некоторые аспекты этнографии памятника в постсоветской Армении, выявить специфичные национальные черты в этой не совсем привычной области этнографического знания. Так, можно заключить, что традиционные символические формы в разных своих проявлениях превалируют здесь над исторически более молодыми фигуративно-статуарными, а постамент свергнутого «чужого» вождя неожиданно оказывается «национальным». Приверженность армян к постаментам относится, можно полагать, не только к описанному в статье случаю – скорее всего, сходная борьба за «национальный» пьедестал развернулась бы даже в трудно представимом случае «свержения» памятника Матери-Армении, причем независимо от того искусствоведчески легко доказуемого факта, что пьедестал, доставшийся Матери от своего предшественника, гораздо ближе национальной традиции, чем его нынешняя хозяйка. Армянская этнография памятника показала также другие архаические черты, присущие феномену памятника вообще, – например, его связи с могильным памятником. Если в иных случаях такая связь может быть выражена неявным образом, в Армении могильная символика лежит в основе одного из ключевых национальных памятников – памятника жертвам геноцида.

55 См. Гукасян В. Давиду – давидово // Новое время. 2002, 8 мая; Микаелян К. Центр – Давиду // Новое время. 2002, 18 мая, где вновь предлагается перенести сюда памятник Давиду Сасунскому с Вокзальной площади, причем на этот раз приводятся не символические, а конструктивные доводы в пользу этого проекта.

Вместе с тем борьба с памятниками в Армении выказывает ряд более общих черт, присущих в целом постсоветскому пространству, в некоторых же случаях мы, очевидно, имеем дело с общечеловеческим отношением к памятнику – визуализированной памятью человека. Иными словами, в общей этнографии памятника, ждущей своих исследователей, мы попытались наметить контуры постсоветской этнографии памятника и в ее контексте представить армянскую этнографию памятника.